

УДК 1(091)+141.32

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-28-37>

EDN: CLJEAV

Поступила: 01.11.2024

Принята: 27.01.2025

Опубликована: 10.04.2025

«ЛИЦО» И «МАСКА»: ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ И НЕПОДЛИННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФИИ Э. ЛЕВИНАСА)

Кропотина Лилия Евгеньевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Статья посвящена проблеме подлинности и неподлинности человеческого существования, рассмотренной через призму философии Другого Э. Левинаса в терминах лица и маски соответственно. Данный «этико-феноменологический ракурс» открывает новые перспективы в исследовании указанной проблемы и преодолевает этический субъектоцентризм, характерный для экзистенциализма в целом. Рассматриваются основные концепты онтологии субъекта Э. Левинаса — Самотождественность, онтологическая уязвимость субъекта, его «стихийный солипсизм», а также такой «глубокий феномен», как лик Другого. Этот феномен раскрывается в четырех ипостасях: 1) как выражение; 2) как абсолют; 3) как лик этический; 4) как след Бесконечного. В этой связи утверждается, что для подлинного существования нет ни масок со стороны субъекта (как в отношении его самого, так и в отношении Другого), ни масок со стороны Другого. Неподлинное существование, наоборот, связано с наличием маски как следствия самого способа бытия Самотождественного субъекта (с его «безвременностью», «телесностью» и «поглощением»): ее наличие выступает иллюзией, продиктованной «властным солипсическим рефлексом» субъекта и его онтологической уязвимостью к Другому. В таком случае маска (неподлинность) оказывается отношением субъекта к себе, миру и Другому, которое преодолевается только в разрыве Тотальности собственного сознания и этической встрече с ликом Другого. Делается вывод, что подлинность Другого, обнаруживаемая субъектом в его лике и этическом отношении к нему, определяет подлинность самого субъекта.

Ключевые слова: лицо, маска, Эммануэль Левинас, Мартин Хайдеггер, подлинность, неподлинность, Другой.

Для цитирования:

Кропотина Л.Е. «Лицо» и «маска»: проблема подлинности и неподлинности человеческого существования (на материале философии Э. Левинаса) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 28–37. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-28-37>. EDN: CLJEAV

«FACE» AND «MASK»: THE PROBLEM OF AUTHENTICITY AND INAUTHENTICITY OF HUMAN EXISTENCE (BASED ON THE PHILOSOPHY OF E. LEVINAS)

Lilia E. Kropotina

Perm State University (Perm)

The article deals with the problem of authenticity and inauthenticity of human existence considered through the prism of Emmanuel Levinas's philosophy of the Other — using the terms of the face and mask. This «ethical-and-phenomenological perspective» opens up new horizons in the study of this problem and overcomes ethical subject-centrism, characteristic of existentialism in general. The study looks at the main concepts of Levinas's ontology of the subject: Self-identity, ontological vulnerability of the subject, his «spontaneous solipsism», as well as such a «deep phenomenon» as the face of the Other. This phenomenon reveals itself in four guises: 1) as an expression; 2) as an absolute; 3) as an ethical face; 4) as a trace of the Infinite. It is argued that for genuine existence there are neither masks on the part of the subject (both in relation to himself and in relation to the Other) nor masks on the part of the Other. Inauthentic existence, on the contrary, is associated with the presence of a mask as a consequence of the very nature of being of a Self-identical subject (with his «timelessness», «physicality», and «enslavement»): the presence of a mask acts as an illusion dictated by the «imperious solipsistic reflex» of the subject and his ontological vulnerability to the Other. In this case, the mask (inauthenticity) turns out to be the subject's attitude toward himself, the world, and the Other, which is overcome only in the rupture of the Totality of his own consciousness and an ethical encounter with the face of the Other. It is concluded that the authenticity of the Other, revealed by the subject in the face of the Other and ethical attitude toward him, determines the authenticity of the subject himself.

Keywords: face, mask, Emmanuel Levinas, Martin Heidegger, authenticity, inauthenticity, the Other.

To cite:

Kropotina L.E. [«Face» and «mask»: the problem of authenticity and inauthenticity of human existence (based on the philosophy of E. Levinas)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 28–37 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-28-37>, EDN: CLJEAV

Введение

Проблема лица и маски — это преломление общефилософской проблемы сущности и явления в плоскости человеческой экзистенции, т.е. проблемы подлинного и неподлинного существования. Решение этой проблемы невозможно без обращения к фигуре абсолютно Другого. Эта фигура занимает центральное место в философии Э. Левинаса. Другой, согласно философу, всегда предстает нам в своем *лице*, поэтому и о вопросе подлинности/неподлинности человека необходимо говорить в терминах лица и маски.

Целью данной статьи является анализ проблемы подлинного/неподлинного существова-

ния человека через призму этих понятий — «лика» («лица») и «маски» соответственно. Это задает своеобразный «этико-феноменологический ракурс», который позволяет поставить вопрос следующим образом: как сквозь маску (искусственное, неподлинное) возможно прорваться к лицу Другого (смыслу, подлинному существованию) и, соответственно, обрести свое собственное лицо? Проблема, однако, в том, что сам мыслитель использует в качестве ключевого для своей философии только понятие «лика», но практически не использует понятие «маска»: последняя лишь имплицитно содержится в его философии. Поэтому в данной статье мы эксплицируем эти понятия и рассматриваем феномены

«лика» и «маски» в их диалектическом взаимодействии.

В связи с этой целью выделяются следующие задачи:

1) анализ феномена и понятия «лик» в онтологии Э. Левинаса;

2) определение специфики подлинности/неподлинности существования субъекта с точки зрения отношения («выхода») к Другому;

3) понимание своеобразной диалектической феноменологии «лика» и «маски» как проявления собственного бытия субъекта;

4) выработка на основе анализа «лика» Другого *авторской* точки зрения на проблему подлинности/неподлинности существования человека.

Анализ феноменов «лика» и «маски» в «этико-феноменологическом ракурсе» открывает новые перспективы в исследовании проблемы подлинного/неподлинного существования человека, и, по нашему мнению, позволяет преодолеть своеобразный субъектоцентризм, характерный для экзистенциализма в целом.

1. Онтология субъекта и лик Другого в философии Э. Левинаса

Проблема Другого раскрывается у Э. Левинаса в трех аспектах:

1. *Онтологический*. Другой выступает как условие бытия субъекта вообще, т.е. то, что лежит в самом фундаменте субъективности, и одновременно как то, что доводит его до полноты субъективности (подлинности). Самотождественный, прежде всякого наречения Другого в сознании, всегда уже есть «Иное-в-Тожественном», «взволнованность Тожественного Иным» [Левинас Э., 2006, с. 188]. Иными словами, сама субъективность у Э. Левинаса структурирована как «Иное-в-Тожественном», как изначальная «пассивность, которая пассивнее любой пассивности» и выше претерпевания. Через живую телесность субъект оказывается «открытым для Другого на принципиально нетеоретическом уровне: на уровне наслаждения или страдания» [Ямпольская А.В., 2011, с. 163]. Смысл подобной пассивности в том, что субъект не может не понимать выражение лика Другого, его боль: это — открытая вовне субъективность, обнаженная, уязвимая к Другому; некий «зазор», «надлом» в самой структуре субъективности. В этом смысле субъект предстает онтологически

уязвимым, травмированным, однако это такая «травмированность Благом», которая «не разрушает субъективность, а — благодаря ее ранимости, не-без-чувственности — пробуждает к подлинно человеческой жизни» [Ямпольская А.В., 2019, с. 42].

2. *Экзистенциальный*. Другой открывается мне в реальном, конкретном опыте жизни через феномены смерти, времени, ласки и лика (лица): нравственное, этическое бытие — это всегда живой опыт. Парадокс при этом заключается в том, что в таком живом опыте Другой может быть обнаружен только как отсутствующее. Он явлен только как нефеноменальное: «отсутствие Другого есть как раз его присутствие как Другого» [Левинас Э., 1998а, с. 103].

3. *Этический*. Другой является тем, асимметричным этическим отношением «лицом-к-лицу» (через ласку, речь, вину, ответственность и замену) к которому открывает доступ к измерению ценностей и смысла. Важно, что у Э. Левинаса речь всегда идет именно о моей вине и ответственности, а не о вине и ответственности любого и каждого человека. «От каждого один шаг до анонимности», — замечает И.С. Вдовина, поясняя данную мысль философа [Вдовина И.С., 2009, с. 231]. В этом смысле субъект парадоксальным образом становится незаменимым в своей «замене» («субституции», «подстановке»), т.е. в изначальной способности встать на место Другого, заменить его, чтобы ответить на его нужду. Этическое отношение с Другим, предполагающее изначальную вину, ответственность за всех и перед всеми (и даже за саму ответственность Другого), делает возможным самообнаружение субъекта: происходит индивидуация, когда «Я» становится не просто неким отдельным «Я», а обретает устойчивость, подлинную, «гетерогенную» самость — никто не может ответить на зов Другого ко мне вместо меня. Субъект индивидуализируется «не как тождественный самому себе, а как уникальный, единственный в своем роде»: как тот, к кому обращаются и в ком нуждаются [Ямпольская А.В., 2019, с. 43–44]. Другой обнаруживает меня для меня самого как в оспаривании моей (а не чьей-либо) власти, так и в его обращенности ко мне.

В связи с темой лица и маски уточним некоторые важные понятия философии Э. Левинаса. Во-первых, субъект у Э. Левинаса постоянно находится в становлении, в чередовании двух

условно выделяемых *фаз*: 1) «работа самоидентификации» «самодостаточного», Самотождественного («пред-субъекта») в процессе его частной жизни; 2) достижение субъектом полноты субъективности в его этическом «отношении» с Другим [Ямпольская А.В., 2011, с. 196]. *Субъект первой фазы* — это «эгоизм» и «атеизм» отделения, психика, Самотождественный, «Я», субъект телесный, «воплощенный», который трудится в мире и формирует свое «жилище». Это — «Я» практическое, живущее в мире и удовлетворяющее свои потребности. *Субъект второй фазы* — это субъект в его собственно человеческом существовании и «гетерогенной самости», незаменимый в своей «замене»; субъект в его полноте бытия, когда Другой через «отношение-без-отношения», «лицом-к-лицу» наполняет его жизнь бесконечным этическим смыслом и открывает доступ к измерению ценностей — «измерению выси». «Субъект — не онтологическая данность, но индивидуация или появление отделенной субъективности, ее самостояние — это этический процесс,» — заключает М.Н. Евстропов о связи онтологического и этического в философии Э. Левинаса [Евстропов М.Н., 2013, с. 68].

Во-вторых, фундаментальная установка Самотождественного по отношению к бытию — это, как пишет Э. Левинас, «питание», «поедание», понимаемое как поглощение Иного, «превращение Иного в Тожественное» вообще [Левинас Э., 2024b, с. 134]. Пред-субъект, вступающий в повседневности в разнообразные отношения (использование, наслаждение, питание, объективное познание и т.д.) как с внешним, материальным миром, так и с самим собой («своим Иным» в актах рефлексии), неизбежно всегда вступает в отношения обладания: любое Иное¹

¹ Согласно Э. Левинасу, Иное вообще (фр. «autre») — это любое внешнее по отношению к субъекту. Такое иное или «соглашается» на использование, поглощение субъекта, формируя тем самым его место обитания, сферу Самотождественного, или отказывает ему в этом. Однако этот внешний мир в целом может быть только «относительно Иным»: здесь Иное является иным только относительно субъекта (Тожественного). Иное и Самотождественный субъект вместе образуют своеобразную «систему», «целостность» или «Тотальность». В отличие от такого Относительного Иного, Радикальное Иное есть такое, которое ускользает от меня не случайно, а по самой своей сути. Это абсолютно Другой (фр. «Autrui»). Только Другой есть такое Иное, которое ставит под вопрос само «Я» и его спонтанность, преодолевая любые его конституирования.

(доступное субъекту как актуально, так и потенциально — вроде звезд) поглощается, присваивается им, помещаясь в сферу Тожественного («у-себя») — сферу всех возможностей владения «Я» [Левинас Э., 2024b, с. 77]. Мне «принадлежит все не-мое в той мере, в которой я могу это не-мое помыслить» [Ямпольская А.В., 2019, с. 37]. В этой фундаментальной установке субъекта по отношению к бытию заключается сам способ существования субъекта первой фазы, т.е. механизм формирования собственной субъективности, утверждения себя как отдельного и самостоятельного субъекта.

В этом проявляется сама интенциональная природа сознания, которая делает абсолютную инаковость Иного относительной: это — его установка «по умолчанию» на некий «стихийный солипсизм». Э. Левинас пишет: «Солипсизм — это не софизм, не извращение, а само устройство разума, — не в силу “субъективности” согласуемых им ощущений, а в силу всеобщности знания, то есть беспредельности света, ни для чего не оставляющей возможности остаться вне него» [Левинас Э., 1998a, с. 59]. Так, «пред-субъект» вынужден вечно возвращаться к самому себе, не находя ничего, что было бы «не его»: ничего, что выходило бы за пределы сферы Тожественного — ничего, что было бы Иным. Этот «стихийный солипсизм» субъекта-монады может быть разорван только абсолютно Иным, т.е., в первую очередь, Другим субъектом.

Подобный замкнутый на себе в своей отделенности Самотождественный субъект — это неподлинное существование: он онтологически открыт Иному, но тем не менее не поворачивается к нему лицом, а «затушевывает» этот зазор, который должен быть признан в этическом отношении с Другим. Подобное неподлинное существование, однако, не осуждается Э. Левинасом: эта фаза жизненно необходима, чтобы субъект вообще мог вступить в этическое отношение. Однако единственно возможное подлинное существование человека — это этическое отношение с Другим в его лике.

Так, Другой в мире является нам в своем *лице-лике* — как уникальность, индивидуальность и радикальная инаковость. Лик — это не просто объект, не просто лицо человека с его глазами, носом, пористой кожей и т.д.; это не телесный, а смысловой феномен, который «постоянно раз-

рушает и превосходит предъявляемый мне пластический образ, выходит за его пределы, разрушая и адекватную идею, соразмерную моим представлениям и собственному *ideatum*» [Левинас Э., 2024b, с. 88].

Понятие лика у Э. Левинаса раскрывается в следующих аспектах:

1. *Лик как выражение*, трансцендирование, разрыв тотальности. Эпифания лика — в самом его «само-выражении», «языке», говорении как таковом: лик «говорит», его проявление — это уже речь [Левинас Э., 2024b, с. 100].

2. *Лик как абсолют*. Лик — это «значение без контекста», «означающее само по себе» [Левинас Э., 1998b, с. 167]. Он аконтекстуален, безотносителен, являет всю целостность своего содержания, а «выраженное присутствует при выражении, выражает само свое выражение» [Левинас Э., 2024a, с. 299]. Лик, говоря словами М.Н. Евстропова, есть «абсолютное выражение» [Евстропов М.Н., 2010]. При этом он не дает никакой скрытой информации о внутренней жизни Другого. В своей недоступности он в первую очередь выражает саму абсолютную инаковость Другого: лик — это не сам Другой, а «то, как мы его видим тогда, когда мы видим в другом человеке — Другого. Или, точнее, — то, что позволяет нам его увидеть как Другого» [Ямпольская А.В., 2011, с. 157]. Лик есть синоним Другого в его трансцендентности, сам способ его бытия.

3. *Этический лик*, т.е. лик как императив «не убий!», как исток речи, преодолевающей границы Самотождественного, а значит — исток и самой человечности, смысла, ценностей, т.е. всей человеческой культуры, разума, социальности вообще [Левинас Э., 2024b, с. 89].

4. *Лик как след Бесконечного*, т.е. «божественного» присутствия. Идея Бесконечности у Э. Левинаса «бесконечно» превосходит не только саму себя, но и «мои способности — не в количественном плане, но <...> ставя их под вопрос» [Левинас Э., 2024b, с. 201]. Иначе говоря, бесконечность для него это и есть Другой в своей абсолютной уникальности, единичности, индивидуальности, вне любой общности, социальной роли или «маски» (пол, возраст, профессия и т.д.). Сам его лик представляет «бесконечное», свидетельствует о «божественном»: «Бог» прошел уже давно, в незапамятном прошлом, которое никогда не было моим настоящим, но оставил в этом, казалось бы, бесчеловечном ми-

ре свой след [Сокулер З.А., 2016, с. 154]. Это «явленное отсутствие» есть сам лик Другого, вызывающий к человечности вообще.

Таким образом, лик — это кульминация учения Э. Левинаса. М.Н. Евстропов отмечает, что именно «категория» лица позволяет французскому философу сохранить инаковость Другого и, во-первых, избежать рассмотрения его по аналогии с «Я» как «субъекта», «личности», а во-вторых, противостоять безличности бытия-с-другими и другим формам онтологической «сопричастности» [Евстропов М.Н., 2011, с. 48]. Лик Другого — это чуть ли не единственное, что связывает Самотождественного субъекта с Бесконечностью Другого, а значит, и с этическим измерением ценностей, смысла.

2. Подлинное/неподлинное существование

Проблема «подлинного/неподлинного существования человека» — одна из важнейших в экзистенциализме. О подлинном и неподлинном существовании рассуждал еще С. Кьеркегор, относивший эстетическую и этическую стадии к неподлинному, а религиозную — к подлинному. Для М. Хайдеггера человек изначально начинает жизнь в неподлинном существовании среди *das Man* («люди»), где царит пустословие, двусмысленность, анонимность «так говорят» и «так делают», падение на уровень вещей. Другой у М. Хайдеггера — это всегда безличное *das Man*, т.е. некий «усредненный», «массовый» Другой «неизвестного рода», лишенный своей конкретности и уникальности. Анонимные Другие, «которые не суть нечто определенное и которые суть все, хотя не как сумма» — это «серединность», уравнивание, публичность, снятие ответственности, «облегчение», «постоянство» [Хайдеггер М., 2003, с. 151–152]. Так, погружение в повседневность *das Man* оказывается неподлинным способом бытия личности. М. Хайдеггер пишет: «Самость повседневного присутствия есть человеко-самость, которую мы отличаем от собственной, т.е. собственно взятой на себя самости. Как человеко-самость присутствие всегда рассеяно в людях и должно себя сперва найти» [Хайдеггер М., 2003, с. 153–154]. Подлинное существование человека — это только одиночество *Dasein* в его следовании зову бытия. Получается, по М. Хайдеггеру, обретение собственного лица-лика в бытии-с-другими невозможно: это всегда будут только маски.

В целом *неподлинное существование* — это такое существование, где человек отказывается от «своего» в пользу уже сформированного и навязанного ему усредненными Другими, в пользу слияния с анонимностью *das Man*, если говорить словами М. Хайдеггера, и утраты всех различий: здесь субъект существует или по аналогии с вещами, или по аналогии с Другим. *Подлинное* же существование в общем смысле есть именно «собственное», «личностное», т.е. такое существование, где человек действительно является самим собой. Так, Д.Ю. Дорофеев определяет подлинность как «способ существования, который способствует разворачиванию, обретению, актуализации своей личности», а неподлинность как «способ повседневного существования, который, наоборот, приводит к ее самоотчуждению и все большей потере» [Дорофеев Д.Ю., 2022, с. 136]. Если переводить все на язык Э. Левинаса, то подлинное существование — это *лицо* человека, причем как «телесное» (это показывает история маски и лица [Шатунова Т.М., 2015]), так и «метафизическое» (лик). Его противоположность — неподлинность как явление в *маске-личине*.

Для экзистенциализма в целом (в частности, для С. Кьеркегора, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра) характерно противопоставление индивида обществу, примат одиночества над отношениями с Другими, абсолютизация единичного, индивидуального и разрыв с родовым. Здесь Другой в непосредственном общении становится «препятствием» для субъекта в достижении им своей подлинности. Субъект изолируется и в этом одиночестве, погруженности в себя и ограниченности собой направляет свой взор на Бога, бытие и т.д.

Этическая феноменология Э. Левинаса выводит нас за пределы «Я» и бытия к Другому. Так, у Э. Левинаса условная «неподлинность» субъекта в его повседневном существовании связана не с изначальным сосуществованием с Другими, а, наоборот, с *замкнутостью* Самотождественного на себе. «Собственное», подлинное существование — это не столько «выход из-под власти общества» вообще, эгоистическая реализация «себя как себя», характерная для «первой фазы субъективности», сколько разрыв самой Тотальности бытия. Этот выход к самому себе реализуется только в этическом отношении, когда субъект оказывается способен взглянуть на лик Другого и обнаружить *его* подлинность.

Увидеть лик Другого за его «маской» — это задача *субъекта*. Иными словами, в повседневности мы видим огромное количество людей, но далеко не у каждого вообще замечаем его лицо, лик. В этом смысле люди, встречаемые нами в повседневности, оказываются анонимной массой, обладающей только масками. Однако это не означает, что мы, подобно М. Хайдеггеру, констатируем неподлинность Других в повседневности. «Маска», согласно французскому философу, надевается на Другого самим Самотождественным субъектом. Поэтому мы утверждаем, что *в действительности не существует ни масок со стороны субъекта (как в отношении его самого, так и в отношении Другого), ни масок со стороны Другого*.

3. Маски со стороны Самотождественного субъекта

Иными словами, маска (маскировка себя и Другого) есть следствие самого способа бытия Самотождественного. Это, на наш взгляд, связано со следующими моментами.

Во-первых, Самотождественный субъект *«безвременный»* (лишенный прошлого и будущего в своем одиноком «вечном настоящем»). Он подобен застывшей маске, которая в момент ее «надевания» дает возможность перевоплощения, перехода в новое бытие, освобождая от сковывающего прошлого ради свободы в настоящем.

Во-вторых, Самотождественный субъект *«телесный», материальный*. Иначе говоря, сам лик не существует без своей пластической формы-основы в виде «телесного» лица, а все, что эмпирически явлено, дает пространство для «о-своения», сознательного изменения, для манипуляции лицом как фасадом, видимой поверхностью. Макияж, тату, пластические операции — все это есть маскировка. «Процесс предъявления знаков на лицевой стороне взору Другого связан с процессом мифологизации: можно предъявить несуществующее или предъявить выборочно, стремясь к контролю за впечатлениями Другого» [Штайн О.А., 2023, с. 81].

В-третьих, его способ отношения к миру «по умолчанию» — это *«поглощение»*, включение Иного в свою Тотальность, где все становится застывшим в своей соотнесенности с другим. Так, конструируя свою маску, субъект становится прочным, устойчивым, самодостаточным, свободным.

Однако эти маски на деле неустойчивы. Маска субъекта прорывается им самим: я явлен себе изнутри, но не снаружи, а потому не могу удержать себя как внешний для меня застывший объект, себя как «Другого» для себя. «Даже если я конструирую образ себя, то результат не будет обладать убедительностью, так как я не перестаю переживать себя изнутри. <...> В этом процессе самообъективации я не могу убедительно пережить себя включенным во внешне ограниченный, сплошь видимый и осязаемый предмет» [Штайн О.А., 2023, с. 94–95]. Я никогда не вижу своего лица как лица живого. Я дан себе только с помощью зеркала или на фотографии, однако здесь я доступен себе только как застывающий объект, но не как действительный субъект. В связи с этим «успешная маскировка» субъекта — это на деле лишь иллюзия для него же самого: только Другой человек видит мое лицо, меня как субъекта. В этом смысле, следуя мысли Э. Левинаса, строго говоря, мы вовсе не можем говорить о масках субъекта.

Подобные маски, конечно, «лучше сидят» на лице *Другого*, чем на моем лице, ведь я вижу его снаружи как соприродного внешнему миру. Однако лик Другого, что показывает сам Э. Левинас, в каждое мгновение прорывает свой же пластический образ, причем это происходит как против моей воли, так и против воли самого Другого. Лицо не может не выражать, а я не могу не воспринимать его выражение.

Иначе говоря, в контексте мысли Э. Левинаса, то, что является «маской», оказываются в действительности лишь *иллюзией* — результатом «властного солипсического рефлекса» субъекта, который связан с его онтологической уязвимостью к Другому. Стремление субъекта надевать маски понятно: если вспомнить Ж.-П. Сартра, они помогают нам противостоять объективирующему взгляду Другого. Однако у Ж.-П. Сартра ситуация выглядит именно так, потому что сам его субъект изначально есть «ничто»: у него не может быть никакой сущности и определенности, только существование. Сущность здесь выступает в негативном свете, как ограничение, однако такой субъект оказывается пуст [Сокулер З.А., 2016, с. 172–175]. Здесь Другой как бы постоянно надевает на меня маски, закрепляя меня против моей воли в моей чистой фактичности:

«Другой смотрит на меня и как таковой хранит секрет моего бытия; он знает, каков я есть; таким образом, глубокий смысл моего бытия находится вне меня, в отсутствии; другой закрылся от меня» [Сартр Ж.-П., 2004, с. 378].

Однако, в отличие от Э. Левинаса, где субъект, проделывающий «работу самоидентификации», «силен» в своей отделенности, этот своеобразный «страх» субъекта перед взглядом Другого можно объяснить и другим образом. На наш взгляд, субъект, подобно ситуации в архаическом ритуале [Штайн О.А., 2023, с. 3–26], надевает маску в страхе «сгореть» от того, что бесконечно превосходит его самого: перед светом сакрального, божественного, потустороннего левинасовского лика Другого. Маска субъекта — это в каком-то смысле сама фаза Самотождественной субъективности (т. е. первая фаза), самодостаточность которой иллюзорна. Она — в страхе перед обнаружением собственной изначальной травмированности иным, уязвимости к нему, открытости Другому в его боли; в страхе разрушения собственной иллюзорной самодостаточности; в страхе быть оспоренным, наткнувшись на то, что бесконечно превосходит саму мою «возможность мочь». Маска Самотождественности есть как бы застывшее в границах «у-себя» «Я»: временное пристанище неустойчивого, онтологически травмированного таинственной инаковостью субъекта, ищущего, тем не менее, полноты субъективности.

Так, если продолжать мысль Э. Левинаса, получается следующее. Анонимная масса *das Man* подобна вещам в своей безличности. Однако Другой, являясь в своем лике непосредственно, индивидуально, прорывая и «свой», и мои маски, не дает усомниться в том, что за его маской вообще кто-то есть. Другой есть «видящее видимое» — единственное внутримировое сущее, которое осмысленно отвечает на мой взгляд: здесь выражающий всегда присутствует при своем выражении. «Видимое» есть объект, «маска-личина», физическая форма, но «видящее» приходит со стороны лика, сущности, некоего метафизического содержания. Лик и личина «соединяются» в лице — самом выражении. И лицо, и маска-личина — явления, однако лицо имеет свою метафизическую основу — в этом его загадочная подлинность. Лицо — оно живое.

4. Маски со стороны Другого

В своем выражении Другой превосходит в первую очередь власть моего сознания над его лицом. Однако его лик сам по себе превосходит и возможные попытки *маскирования со стороны самого Другого*. Для пояснения этого тезиса вновь обратимся к идеям Э. Левинаса. Во-первых, манипуляции Другого своим «*телесным лицом*», изменения пластической формы не имеют силы перед бесконечностью самого его лика как абсолютного выражения, всегда прорывающего эту форму. Во-вторых, *ложь* Другого же невозможна, по мнению Э. Левинаса, потому что «ложь и истина уже предполагают абсолютную подлинность лица» [Левинас Э., 2024b, с. 206]. Скрывая, маска всегда косвенно, апофатически открывает: если маска скрывает, она уже должна скрывать нечто подлинное, быть надетой на «что-то» — на лицо. Само наличие маски говорит о наличии лица. Кроме того, сама избыточность маски, ее «остаток» в момент, когда «человек избыточно (сверх требований) начинает встраивать лицо в норму» [Штайн О.А., 2023, с. 151], апофатически, косвенно открывает человека в его индивидуальной «*нехватке*» и «*недостаточности*».

Так, не существует и масок Другого. Другой также не знает себя в своем выражении, а потому «сознательно» надетые маски невозможны: «его “сокровенная сущность” есть его “внешнее проявление”, навеки для него упущенное» [Евстропов М.Н., 2011, с. 46]. Это, на наш взгляд, вновь подчеркивает, что полнота субъективности возможна только в «замене» в этическом отношении к Другому: я вижу лицо Другого, в то время как он лишен этой возможности, поэтому я, и только я ответственен за него.

В контексте масок Другого важен также тот факт, что он, если следовать мысли Э. Левинаса, всегда является нам в различных *обликах* (Женщина-Возлюбленная, мой ребенок, учитель, мой господин, униженный и оскорбленный мученик). Однако, на наш взгляд, эти облики лишь в определенном смысле можно назвать масками-личинами. Облики Другого не есть маски-личины как проявления неподлинного существования: это скорее «ипостаси», стороны его единства. Каждый из этих обликов сам по себе не охватывает всей полноты данного феномена, и в этом смысле облики есть только частные,

неполные «открытия» самого явленного лика Другого. Это — ракурсы, аспекты, разные стороны одного-единого лика. Так, «диалектика» подлинного/неподлинного переходит уже внутрь сущности: перед светом сознания субъекта происходит маскировка самого лика Другого. Обозначенные стороны не полностью схватывают Другого, его лик, но полностью его и невозможного схватить. По сути, разделение единого лика Другого на несколько условных обликов в рамках учения Э. Левинаса — это также попытка субъекта (здесь — самого мыслителя) схватить Другого. Точнее, дать ему — принципиально несхватываемому и непознаваемому — хоть какое-то описание на языке философии. Другой в этом смысле скрывается, ускользает: вспомним здесь левинасовского Другого в облике Женщины-Возлюбленной [Левинас Э., 1998a, с. 92–98; Левинас Э., 2024b, с. 246–263] или сравнение его со смертью, абсолютно фактической и абсолютно таинственной одновременно [Левинас Э., 1998a, с. 74–79].

Заключение: маска и подлинное/неподлинное существование

Таким образом, мы утверждаем, что *маска всегда есть отношение субъекта к себе, миру и Другому — его «властный солипсический рефлекс», т.е. стремление субъекта к схватыванию и упорядочиванию в системе Тотальности*.

Маски Другого — это попытка субъекта схватить его, сделать так, чтобы он открылся. Однако в этом схватывании Другой открывает-ся нам только в своей неподлинности. Действительное снятие маски есть преодоление субъектом этого отношения в *этической встрече* с ликом Другого. Маска, по существу, это сама *дистанция* между Самоотжественным и Другим: мое видение Другого в его «маске» как усредненного и массового субъекта, как представителя той или иной социальной роли или обладателя тех или иных личностных качеств, есть сама моя отдаленность от него. Однако это — отдаленность не асимметричного этического отношения, обусловленного радикальной трансцендентностью Другого, а *избегание его лика*, абсолютная инаковость которого не может быть преобразована моим сознанием в относителную («помещена», так сказать, в систему Тотальности).

Маски, «надеваемые» субъектом на Другого, делают ограниченным, нецелостным, расщепленным, пустым, усредненным, массовым, безличным, т.е. неподлинным, *самого* субъекта. Видеть в Других всегда только маски-личины, но не лик — это проблема самого Самотождественного субъекта. Увидеть за масками, которые я сам надеваю на лицо Другого, его лик можно только в разрыве Тотальности *собственного* сознания, в обнаружении самого Другого в экзистенциальном опыте и, как следствие, в этическом отношении к нему как действительно Другому субъекту.

Таким образом, характерное для экзистенциализма понимание неподлинности как существования в повседневности и среди Других, преодолевается в философии Э. Левинаса. Понятие лика Другого задает «этико-феноменологический ракурс», который позволяет выйти за пределы Тотальности субъекта, но уже не к безличному бытию, как у других экзистенциалистов, а к *конкретному, живому* Другому. Этот же ракурс позволяет рассмотреть феномены лика и маски как подлинного и неподлинного существования человека соответственно. Другой, именно в силу «абсолютности выражения» своего лика, оказывается всегда существующим в своей подлинности, живости и «собственности», в то время как его «неподлинность» оказывается маской *самого* субъекта в его неподлинности. *Подлинность Другого, обнаруживаемая субъектом в его лике и этическом отношении к нему, обуславливает подлинность самого субъекта.*

Список литературы

- Вдовина И.С. Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Дорофеев Д.Ю. Философская антропология подлинного и неподлинного // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 127–154. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-127-154>
- Евстропов М.Н. «Иное, чем бытие»: лицо в метафизике Эммануэля Левинаса. Часть I: Черты лица // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 44–49.
- Евстропов М.Н. Теория субъективности Эммануэля Левинаса: между онтологией и этикой // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 57–70.

Евстропов М.Н. Эммануэль Левинас: «Лицо» как абсолютное выражение // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 6. С. 101–106.

Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 18–119.

Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 120–259.

Левинас Э. По-другому чем быть, или по ту сторону сущности / пер. с фр. И.В. Полещук // Путь к Другому: сб. ст. и перев., посвящ. 100-летию со дня рождения Э. Левинаса / под ред. Н.В. Голик и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 183–196.

Левинас Э. Ракурсы / пер. с фр. Н.Б. Маньковской // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 292–349.

Левинас Э. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 66–291.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2004. 640 с.

Сокулер З.А. Субъективность, язык и Другой: новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. М.: Университетская книга, 2016. 240 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 510 с.

Шатунова Т.М. Эстетическая метафизика лица // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21560> (дата обращения: 16.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.129-21560>

Штайн О.А. Маска: стратегии идентичности. СПб.: Алетейя, 2023. 160 с.

Ямпольская А.В. Гетерогенность самости: проблематизация идентичности у позднего Левинаса // ESSE: Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4, № 2. С. 34–47.

Ямпольская А.В. Эммануэль Левинас. Философия и биография. Киев: Дух і літера, 2011. 376 с.

References

- Dorofeev, D.Yu. (2022). [Philosophical anthropology of authentic and non-authentic]. *Filosofiya. Zhurnal*

nal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 6, no. 3, pp. 127–154. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-127-154>

Evstropov, M.N. (2010). [Emmanuel Levinas: «Face» as an absolute expression]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 317, no. 6, pp. 101–106.

Evstropov, M.N. (2011). [«Other than being»: Face in the metaphysics of Emmanuel Levinas. Part I: Features of face]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 342, pp. 44–49.

Evstropov, M.N. (2013). [Theory of subjectivity by Emmanuel Levinas: between ontology and ethics]. *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. [Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society]. No. 15, pp. 57–70.

Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ., 510 p.

Levinas, E. (1998). [Humanism of the Other]. *Levinas E. Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Levinas E. Time and the Other. Humanism of the Other]. St. Petersburg: Vyshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola Publ., pp. 120–259.

Levinas, E. (1998). [Time and the Other]. *Levinas E. Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Levinas E. Time and the Other. Humanism of the Other]. St. Petersburg: Vyshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola Publ., pp. 18–119.

Levinas, E. (2006). [Otherwise than being: or beyond essence]. *Put' k Drugomu: sb. st. i perev., posvyashch. 100-letnyu so dnya rozhdeniya E. Levinasa* [Path to Another: collection of articles and translations dedicated to the 100th anniversary of the birth of E. Levinas]. St. Petersburg: SPbSU Publ., pp. 183–196.

Levinas, E. (2024). [Perspectives]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow,

St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 292–349.

Levinas, E. (2024). [Totality and infinity]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity].

Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 66–291.

Sartre, J.-P. (2004). *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 640 p.

Shatunova, T.M. (2015). [Aesthetic metaphysics of the face]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. No. 2, part 2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21560> (accessed 16.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.129-21560>

Sokuler, Z.A. (2016). *Sub'ektivnost', yazyk i Drugoy: novye puti i iskusheniya mysli, otkryvaemye ucheniem Emmanuelya Levinasa* [Subjectivity, language and other. New ways and temptations of thought opened by the teachings of Emmanuel Levinas]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 240 p.

Stain, O.A. (2023). *Maska: strategii identichnosti* [Mask: identity strategy]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 160 p.

Vdovina, I.S. (2009). *Fenomenologiya vo Frantsii (istoriko-filosofskie ocherki)* [Phenomenology in France (historical and philosophical essays)]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 400 p.

Yampol'skaya, A.V. (2011). *Emmanyuel' Levinas. Filosofiya i biografiya* [Emmanuel Levinas. Philosophy and biography]. Kiev: Dukh i litera Publ., 376 p.

Yampol'skaya, A.V. (2019). [Heterogeneity of self: the problematisation of identity in later Levinas]. *ESSE: Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [ESSE: Studies in Philosophy and Theology]. Vol. 4, no. 2, pp. 34–47.

Об авторе

Кропотина Лилия Евгеньевна
студентка направления «Философия»

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: 11lkr0403@gmail.com
ResearcherID: MVT-6498-2025

About the author

Lilia E. Kropotina
Philosophy Student

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: 11lkr0403@gmail.com
ResearcherID: MVT-6498-2025